Смерть под ножом хирурга

Автор:
Тесс Герритсен

Смерть под ножом хирурга

Тесс Герритсен

Иностранный детектив

В крупной клинике в Гонолулу происходит трагедия: во время операции умирает пациентка, медсестра той же клиники. Выясняя, не произошла ли врачебная ошибка, анестезиолог Кейт Чесни убеждается, что ее подставили. Теперь ей грозит уголовное наказание. Чтобы спасти себя, она должна сама во всем разобраться, тем более что с некоторых пор ей кажется, что настоящий преступник неусыпно за ней наблюдает и ее жизнь в опасности.

Тесс Герритсен

Смерть под ножом хирурга

Пролог

Господи, почему прошлое, возвращаясь, преследует нас?

Из окна своего офиса доктор Танака смотрел, как дождь колотит по асфальту паркинга, и размышлял о том, что спустя столько лет смерть, забрав одну несчастную, вернулась, чтобы уничтожить его.

За окном к своей машине пробежала медсестра в забрызганной дождем униформе. Еще одна, застигнутая ливнем без зонта. Как часто бывает в Гонолулу, утро выдалось солнечным и ясным. Но к трем часам над горой Кулау стали собираться тучи, и сейчас, когда последние сотрудники клиники отправились по домам, дождь превратился в потоп, заливая улицы бурными потоками мутной воды.

Танака обернулся и взглянул на письмо, лежавшее на столе. Оно пришло неделю назад, но затерялось в ворохе корреспонденции – журналов по акушерству и различных каталогов. Сегодня утром секретарь обратила его внимание на конверт, и его сразу встревожило имя отправителя – Джозеф Кахану. Адвокат.

Танака подошел к столу, сел в кресло и прочитал письмо еще раз.

«Дорогой доктор Танака!

Как адвокат, представляющий интересы мистера Чарльза Декера, посылаю запрос на все медицинские документы, касающиеся предоставления акушерской помощи миссис Дженнифер Брук, которая была вашей пациенткой до своей смерти».

Дженнифер Брук… Имя, которое ему хотелось забыть.

Глубокая слабость охватила его – полное истощение сил, как бывает у человека, который понял, что больше не в состоянии бороться с собственной тенью. Надо как-то собраться с силами, чтобы добраться до автомобиля. Но он продолжал сидеть неподвижно, глядя на стены своего кабинета. Своего убежища. Взгляд скользил по многочисленным дипломам, медицинским сертификатам, фотографиям. На них улыбались счастливые родители, держа на руках сморщенных новорожденных. Сколько детей с его помощью появились на свет? Он давно потерял счет.

За дверью кабинета раздался резкий звук, заставивший доктора от неожиданности подскочить в кресле. Щелчок дверного замка. Танака подошел к двери и выглянул в приемную.

– Пегги? Вы еще здесь?

В приемной никого не было. Он медленно оглядел пустые диваны и стулья, аккуратную стопку журналов на столике, взгляд упал на входную дверь. Та была открыта.

В тишине раздался легкий звон металлических предметов, долетевший из одного из смотровых кабинетов.

– Пегги?

Танака вышел в коридор и заглянул в первый кабинет. Гинекологическое кресло, раковина, сверкающая чистотой, шкаф с инструментами. Он выключил свет и перешел в соседний кабинет. Там тоже было все в порядке – безупречный ряд разложенных инструментов, раковина, вытертая досуха. Он пересек коридор и направился в последний кабинет. Потянулся было к выключателю, но рука застыла на полпути… Доктора охватило безотчетное чувство страха. Инстинкт предупреждал, что в комнате таится нечто зловещее. Нечто угрожающее притаилось в темноте и ждет его.

Ужас погнал его прочь. Но, повернувшись, чтобы бежать, он понял, что опасность близко, прямо у него за спиной, и в тот же момент острое лезвие полоснуло его по горлу. Пошатнувшись, доктор сделал шаг назад, стал падать, зацепив поднос с инструментами. Лежа на полу, он видел липкий от крови линолеум. Его крови. И хотя жизнь уже медленно покидала его, мозг продолжал рационально мыслить и анализировать. Перерезанная артерия. Через несколько минут полное обескровливание. Надо остановить кровотечение…

Ноги стали неметь…

Времени почти нет. На четвереньках Танака пополз к шкафу, где хранились марлевые тампоны. Стеклянная дверца блестела в полосе света как маяк, его единственная надежда на спасение.

Внезапно на полосу света упала тень. Он знал, что тот, кто напал, стоит сейчас в дверях, наблюдая за своей жертвой. Но продолжал ползти.

Сознание меркло, но в последние секунды он сумел подняться на ноги и распахнуть дверцу шкафчика. Стерильные пакеты посыпались с полок, он вслепую схватил один, разорвал обертку, вытащил тампон и приложил к шее.

Он не видел, как лезвие взметнулось в финальной дуге.

И вонзилось в спину. Танака хотел закричать, но только тихо выдохнул. Это был последний выдох перед тем, как провалиться в небытие.

Чарли Декер лежал голый на узкой жесткой постели. Он был напуган.

В окно он видел кроваво-красную неоновую вывеску: «Отель «Виктория». Одна буква не горела, и получилось очень похоже на дыру. Да, скорее дыра, чем отель. Темная дыра без проблеска надежды.

Он закрыл глаза, но красный мигающий свет настойчиво пробивался сквозь веки. Тогда он отвернулся и подушкой закрыл голову. Запах несвежего белья был удушающим. Отбросив подушку, он встал и подошел к окну. Внизу на тротуаре блондинка в мини наклонилась к окну «шевроле» и переговаривалась с человеком, сидевшим внутри машины. Доносился смех, музыкальный автомат играл знакомую мелодию. Несло гниющими отбросами – обычный аромат задворков рая. От запаха мутило, но из-за духоты нельзя было закрыть окно. Слишком жарко не только спать, но даже дышать.

Он подошел к столику и включил лампу. Бросились в глаза знакомые строки заголовка.

«Доктор в Гонолулу найден зарезанным».

Капли пота скатывались по груди. Он бросил газету на пол. Сел и обхватил голову руками. Музыка на время стихла, потом заиграла вновь – гитара и ударные. Невидимый певец затянул: «О, беби, беби, я так тебя хочу…»

Он поднял голову, взгляд уперся в фотографию Дженни. Она улыбалась. Она всегда улыбалась. Он погладил фотографию, пытаясь вспомнить, какой была под пальцами ее кожа. Но годы стерли память.

Наконец он открыл свой блокнот, нашел чистую страницу и начал писать.

Они говорили мне постоянно:

Должно пройти время,

Время вылечит душу, время поможет забыть.

И я отвечал им:

Раны души залечить может не забвение, а память.

Воспоминания о тебе,

Запах моря на твоей коже,

Следы маленьких ног на песке.

Память бесконечна.

Вот ты лежишь на песке у моря, смотришь на меня и

дотрагиваешься кончиками пальцев до моего лица.

Солнце просвечивает сквозь них.

И я исцеляюсь.

Я уже исцелен.

Глава 1

Твердой рукой доктор Кейт Чесни стала вводить в вену пациентки двести кубиков пентотала натрия. Столбик бледно-желтой жидкости медленно пополз вниз.

– Сейчас тебе захочется спать, Эллен. Закрой глаза и спи…

– Я пока ничего не чувствую.

– Через минуту почувствуешь. – Кейт ободряюще сжала плечо пациентки. Такие жесты необходимы, чтобы успокоить. Прикосновение. Спокойный голос. – Расслабься, вспомни небо над головой, бегущие облака, – мягко говорила Кейт.

Эллен сонно улыбнулась. Операционные лампы безжалостно высвечивали каждую веснушку, каждую морщинку на ее лице. Никто, даже Эллен О’Брайен, не мог быть красивым на операционном столе.

– Странно, – пробормотала она. – Я совсем не испытываю страха…

– И не должна. Я обо всем позабочусь.

– Я знаю. – Эллен протянула руку, легонько, кончиками пальцев, дотронулась до руки Кейт. Прикосновение было как напоминание, что она не просто пациентка, а еще женщина, друг и коллега.

Двери в операционную распахнулись, стремительно вошел доктор Гай Сантини. Огромный и неуклюжий, как медведь, он выглядел довольно нелепо в своей цветной шапочке.

– Как у нас тут дела, Кейт?

– Пентотал уже действует.

Гай подошел к столу.

– Ты еще с нами, Эллен?

Она улыбнулась:

– Лучше бы я была сейчас в Филадельфии.

Гай засмеялся:

– Ты там скоро будешь. Но без своего желчного пузыря.

– Хорошо бы… Помни, Гай… – прошептала она, – ты обещал – никаких шрамов…

– Я обещал?

– Да…

Он подмигнул Кейт.

– Я тебе не говорил? Медсестры – худшие из пациенток. Самые требовательные бабы на свете!

– Берегитесь, док! – предупредила одна из операционных сестер. – Когда-нибудь попадете к нам на этот стол!

– Ты меня напугала!

Кажется, Эллен наконец уснула. Кейт провела пальцем по ее ресницам – они остались неподвижны.

– Она готова.

– Ах, Кэти, моя дорогая. Ты слишком хороший доктор для…

– Для женщины… Я уже слышала…

– Ну что ж, тогда поехали… – Он пошел мыть руки. – Ее анализы в норме?

– Кровь идеальна.

– ЭКГ?

– Я смотрела ее прошлой ночью. В норме.

Гай отсалютовал.

– С тобой рядом, Кейт, можно ни о чем не беспокоиться. – И он обернулся к операционным сестрам, которые раскладывали инструменты. – И вот что, леди. Наш интерн – левша.

Сестра, помогающая ему, подняла глаза.

– Он хорошенький?

Гай подмигнул:

– Просто мечта девушек, Синди. Я скажу, что ты спрашивала, – и, смеясь, исчез за дверью.

– Как жена его терпит? – вздохнула Синди.

Следующие несколько минут все работали как автоматы. Кейт выполнила все необходимые приготовления. Вставила трубку в трахею, подсоединила к кислородному аппарату, отрегулировала поток газа, добавив необходимое количество окиси азота и форана. Через нее поддерживалась жизнь Эллен. Каждый шаг, несмотря на автоматизм, требовал проверки – двойной, тройной. А если пациент был ей знаком и дорог, тем более. Работа анестезиолога является на девяносто девять процентов нудной рутиной. Но один процент падает на непредвиденные обстоятельства, одна мысль об этом вызывает ужас. Каждый раз она готовилась избежать этого процента голого ужаса. Кризис мог возникнуть мгновенно.

Но сегодня все должно было пройти гладко. Эллен О’Брайен сорок один. И за исключением камня в желчном пузыре, у нее идеальное здоровье.

Гай вернулся в операционную, с тщательно отмытых рук стекали капли воды. За ним следовал долговязый интерн-левша. Оба стали проходить ритуал одевания, сопровождавшийся скрипом латекса. Наконец, вся бригада заняла место у стола. Кейт окинула взглядом лица, скрытые масками. За исключением интерна, все были хорошо знакомы. Энн Рихтер. Пепельные волосы аккуратно заправлены под шапочку, она строга и, если кто-то позволит себе шутку во время операции, обязательно метнет на шутника неодобрительный взгляд.

Гай всегда в хорошем расположении духа, карие глаза за толстыми линзами очков искажены, трудно поверить, что этот неуклюжий, похожий на медведя человек – классный хирург, и скальпель в его руке творит чудеса.

Напротив Гая интерн-левша.

Последняя в ряду Синди – темноглазая смешливая девушка. Сегодня у нее новые тени для глаз под названием «Восточный малахит», отчего она стала похожей на тропическую рыбку.

– Красивые тени, Синди, – заметил Гай, протягивая руку за скальпелем.

– Спасибо, доктор. – Синди со шлепком вложила ему в руку скальпель.

– Мне они нравятся больше, чем предыдущие, кажется «Испанская слизь»?

– «Испанский мох».

– Но эти сегодня неотразимы, верно? – обратился Гай к интерну, у которого хватило ума промолчать, и продолжил: – Да, напомнили мне о любимом цвете. Кажется, он называется «Комет очиститель».

Интерн хихикнул. Синди метнула на него уничтожающий взгляд. Гай сделал первый надрез. На коже появился розовый след, и интерн тут же промокнул кровь тампоном. Они работали, как пианисты в четыре руки.

Сидя около пациентки, Кейт прислушивалась к ритмичной работе аппаратуры. Все шло как надо, все под контролем, она в такие моменты любила свой труд. Вздохи аппарата для вентиляции легких, попискивание кардиографа были успокоительной музыкой к действию, происходящему на операционном столе.

Гай сделал более глубокий надрез, обнажился блестящий слой подкожного жира.

– Мускулы напряжены, Кейт, – заметил он, – у нас будут проблемы с сокращением.

– Посмотрим, как можно помочь. – Кейт повернулась к своему комплекту за крохотной ампулой сукцинилхолина. Этот препарат, введенный внутривенно, расслабит мышцы, что облегчит Гаю проникновение в брюшную полость. Оглядев набор ампул, она нахмурилась: – Энн? У меня не хватает ампулы сукцинилхолина. Добавь потом мне еще одну.

– Странно, – заметила Синди, – я вчера вечером полностью обновила ваш комплект.

– Почему-то здесь осталась только одна ампула.

Кейт достала ампулу с пятью кубиками кристально чистого раствора, набрала половину в шприц и ввела в вену Эллен. Через минуту препарат начнет действовать. Она стала ждать.

Скальпель Гая проник в брюшную мышцу.

– Она все еще напряжена, – заметил он.

Кейт взглянула на часы.

– Прошло три минуты. Эффект должен быть.

– Никакого.

– Ладно, я добавлю еще. – Она набрала в шприц остаток препарата и снова ввела. – Энн, у меня больше не осталось…

Ее прервал резкий сигнал зуммера. Кейт взглянула на экран кардиографа и то, что там увидела, заставило ее в ужасе вскочить со своего места.

Сердце Эллен О’Брайен остановилось.

Через мгновение все пришло в движение. Подносы с инструментами были отодвинуты в сторону, интерн, взобравшись на стул, снова и снова нажимал на грудную клетку Эллен.

Вот это и был тот самый один процент, которого так боятся все анестезиологи.

Самый ужасный момент в жизни Кейт Чесни.

Стараясь не поддаваться панике, она вводила адреналин снова и снова, сначала в вену, потом напрямую в сердце Эллен. Я теряю ее, билась в мозгу мысль, боже мой, я ее теряю… На экране появился короткий всплеск – намек, что жизнь еще теплится.

Она взглянула на Энн, застывшую с дефибриллятором в руках, лицо ее было белым как мел.

– Начинай! – крикнула ей Кейт, но Энн не двинулась с места.

За Энн команду выполнила Синди. Гай приложил пластины к груди Эллен и включил разряд.

Ее тело выгнулось, как у куклы, которую дернули за все веревочки сразу.

На мониторе была прямая линия.

Кейт в отчаянной попытке пыталась оживить сердце. Ничего не помогало. Сквозь пелену слез она смотрела на прямую линию, показывающую полную остановку сердца.

– Все кончено, – тихо сказал Гай. Он сделал знак интерну прекратить массаж сердца. По лицу того стекали крупные капли пота.

– Нет! – Кейт сама положила руки на грудь Эллен. – Нет, нет. – Она снова и снова жала на грудную клетку, отчаянно, сильно, наваливаясь всем весом. Она должна… Живи, Эллен, ты должна жить…

– Кейт. – Гай тронул ее за руку.

– Нельзя останавливаться…

– Кейт. – Он мягко, но настойчиво увел ее от стола. – Все кончено, – прошептал он.

Кто-то выключил тревожный сигнал. Настала абсолютная тишина. Медленно подняв голову, Кейт увидела, что все смотрят на нее. Она снова взглянула на прямую линию на экране…

Кейт вздрогнула, когда санитар с треском сомкнул молнию на саване Эллен О’Брайен. Она не могла смириться с жестокостью такого конца – этот неподвижный сверток был недавно молодой женщиной, полной жизни. Она отвернулась, когда тележку с телом покатили в морг. Давно скрип колесиков растаял в глубине длинного больничного коридора, а Кейт все стояла одна в операционной.

Сдерживая слезы, она огляделась – на полу разбросанные пустые ампулы, шприцы, тампоны – печальный хаос, сопровождающий каждую смерть в клинике. Скоро все уберут, и не останется следов разыгравшейся здесь трагедии. Ничего – кроме нового тела в морге.

И массы вопросов. О да, вопросов будет много. У родителей Эллен, у администрации клиники, вопросов, на которые у нее нет ответа.

Она стащила с головы шапочку и почувствовала облегчение, когда волосы свободно рассыпались по плечам. Ей надо было побыть одной, подумать и попытаться понять. Она повернулась к двери и увидела на пороге Гая. На лице его читались недоумение и растерянность.

Ни слова не говоря, он протянул ей карту Эллен О’Брайен.

– Электрокардиограмма. Ты сказала, что она в норме.

– Она и была в норме.

– Взгляни сюда.

Она открыла карту, нашла лист с ЭКГ, и первое, что увидела, – свои инициалы наверху, подтверждающие, что она просматривала страницу.

Потом взглянула на сам график. С минуту пораженно разглядывала серию в двенадцать черных пиков, их невозможно было не заметить. Картина была предельно ясна. Любой третьекурсник может поставить диагноз по этому графику.

– Вот почему она умерла, Кейт.

– Но… Но это невозможно! Я не могла не увидеть инфаркта!

Он промолчал и отвернулся, что было красноречивее слов.

– Гай, ты же меня знаешь! – продолжала она. – Я никогда бы не пропустила такое…

– Но здесь все предельно ясно. Ради бога, Кейт, здесь стоят твои инициалы!

Они смотрели друг на друга, потрясенные суровой правдой его слов.

– Прости, – извинился он. И вдруг в отчаянии запустил руки в волосы. – Боже мой, у нее был сердечный приступ! Сердечный приступ… А мы потащили ее на операционный стол. – Он взглянул на Кейт. – Это значит, что мы убили ее!

* * *

– Абсолютно ясно, что дело идет о преступной небрежности врача.

Адвокат Дэвид Рэнсом закрыл папку, на которой стояло имя Эллен О’Брайен. И поднял глаза на своих клиентов. Если бы ему пришлось описать одним словом Патрика и Мэри О’Брайен, он выбрал бы слово «серый». Патрик был в унылом твидовом пиджаке, давно потерявшем форму, а Мэри в платье с черно-белым рисунком, выцветшем со временем и слившемся в серое однообразие.

У Патрика дернулась голова.

– Она была нашим единственным ребенком, мистер Рэнсом. Всегда была такой хорошей, никогда не жаловалась. Даже младенцем просто лежала в своей кроватке и улыбалась. Как маленький ангел. – Лицо его сморщилось.

– Мистер О’Брайен, – мягко произнес Дэвид, – я понимаю, что вряд ли это вас может утешить, но обещаю – я сделаю все, что в моих силах.

Патрик покачал головой:

– Дело не в деньгах. Конечно, я не могу работать, моя спина, знаете ли… Но у нее была небольшая страховка и…

– Сколько?

– Пятьдесят тысяч, – ответила Мэри, – она всегда думала о нас. – Ее резкий профиль четко вырисовывался в ярком дневном свете. В противоположность мужу она уже выплакала свои слезы. Сидела очень прямо, и Дэвид знал, что она сейчас чувствует. Боль. Гнев. Именно гнев, он стоял в ее холодных стальных глазах.

Патрик всхлипнул.

Дэвид достал из ящика стола салфетки и положил перед клиентом.

– Может быть, поговорим в другой раз, когда вы будете готовы…

Мэри подняла подбородок.

– Мы готовы, мистер Рэнсом. Спрашивайте.

Дэвид взглянул на Патрика, который слабо кивнул.

– Я боюсь, что вам покажутся сейчас жестокими мои вопросы, и поэтому заранее прошу извинения.

– Продолжайте. – Это опять Мэри.

– Мне нужна информация, прежде чем я смогу подсчитать ущерб. Например, сколько зарабатывала бы ваша дочь, останься она в живых. Она была медсестрой?

– В родильном отделении.

– Знаете ее зарплату?

– Я должна просмотреть ее ведомости.

– Как насчет других иждивенцев? Они были?

– Нет.

– Она не была замужем?

Мэри вздохнула.

– Она была идеальной дочерью. Красивая, умная. Но что касается мужчин в ее жизни… Ей с ними не везло, она совершала ошибки.

Дэвид нахмурился:

– Какие ошибки?

Мэри пожала плечами:

– О, как бывает в наши дни. Когда женщина достигает определенного возраста, она рада вниманию любого мужчины, даже недостойного ее. – Она опустила глаза и замолчала.

Дэвид почувствовал, что они ступили на скользкую почву. В конце концов, его не интересовала сейчас личная жизнь Эллен. Это не имело отношения к делу.

– Давайте взглянем на историю болезни. – Он открыл медицинскую карту. – Ей было сорок один, она сохранила отличное здоровье. У нее были когда-нибудь проблемы с сердцем?

– Никогда.

– Не жаловалась иногда на боль в груди, одышку?

– Элли плавала на длинные дистанции, мистер Рэнсом. Она могла плыть много часов и не уставала. Я никогда не поверю в эту историю с сердечным приступом.

– Но ЭКГ ставит точный диагноз. Если бы мы получили разрешение на вскрытие, мы могли бы подтвердить или опровергнуть его. Но кажется, уже слишком поздно.

Мэри взглянула на мужа:

– Это все Патрик. Он просто не мог даже представить…

– Разве они недостаточно ее резали? – Он снова всхлипнул.

Наступило долгое молчание. Потом Мэри тихо сказала:

– Мы развеем ее останки над морем. Она так любила море. С самых малых лет…

Прощание было печальным. Несколько слов соболезнования, рукопожатия, и О’Брайены покинули офис. Но в дверях Мэри остановилась.

– Я хочу, чтобы вы знали – дело не в деньгах. Мне не нужно ни цента. Но они разрушили нашу жизнь, и Бог не забудет этого. Я хочу, чтобы они получили свое.

– Я позабочусь об этом, – пообещал ей Дэвид.

После их ухода он подошел к окну. Сделал вдох и медленный выдох, чтобы успокоиться. Но тяжесть осталась лежать на сердце, он не мог забыть их печаль и гнев.

Шесть дней назад доктор сделал роковую ошибку. И теперь Эллен О’Брайен больше нет.

Она была всего на три года старше меня.

Он сел за стол и открыл папку с делом Эллен. Пробежав вновь глазами медицинский отчет, вернулся к биографии двух врачей.

Доктор Гай Сантини имел впечатляющий послужной список. Сорок восемь лет. Хирург, выпускник Гарварда, он был на пике карьеры. Список публикаций занимал пять страниц. Большинство научных трудов посвящены болезням печени. Один раз привлекался к суду, но дело выиграл. Но не Сантини был его основной целью. Его цель – анестезиолог.

Доктор Кэтрин Чесни, ее карьера тоже производила впечатление. Бакалавр университета в Беркли, доктор медицины, работала анестезиологом в бригаде реанимации при университете в Сан-Франциско. Всего тридцать лет, но уже внушительный список научных работ. Она поступила в клинику примерно год назад. Фотографии в досье не было, но Дэвид сразу представил стереотип женщины-анестезиолога – старомодная прическа, бесформенная фигура и лошадиное лицо, но при этом высокоинтеллектуальное.

Дэвид откинулся на спинку кресла и нахмурился. Безупречное досье никак не вязалось с некомпетентностью врача. Как она могла допустить столь банальную ошибку?

Он закрыл папку. Какими бы ни были ее оправдания, Кэтрин Чесни приговорила пациентку к смерти под ножом хирурга. И теперь должна ответить за свое преступление.

И он постарается, чтобы возмездие ее настигло.

Джордж Беттенкурт презирал докторов. Это персональное мнение главного администратора делало его работу в клинике затруднительной, потому что приходилось работать постоянно в тесном контакте с персоналом. У него был диплом магистра экономики и магистра медицинского менеджмента. За десять

лет работы в клинике он достиг небывалых вершин, чего не могла сделать старая администрация, он превратил клинику из сонного царства в весьма прибыльный бизнес. Но наградой от этих глупых маленьких божков в белых халатах была лишь критика в его адрес. Они отворачивали носы от самой идеи, что их святая работа по спасению людей может быть продиктована его бизнес-планами. Но голая правда была в том, что спасение жизни было таким же бизнесом, как продажа линолеума. Беттенкурт знал это. Доктора – нет. Эти идиоты вызывали у него головную боль.

И вот сейчас эти двое, сидевшие напротив, породили такую мигрень, какой он не испытывал долгие годы.

Доктор Кларенс Эвери, седовласый шеф анестезиологов, не был проблемой. Этот старый дурак стеснялся собственной тени, так был застенчив; не мог вообще никому возразить. С того дня, как тяжело заболела его жена, Эвери ходил как лунатик. Да, его нетрудно уговорить, тем более что репутация клиники висела на волоске.

Нет, его беспокоил другой собеседник, и это была женщина. Она была новенькой в штате клиники, и он не слишком хорошо ее знал. Но как только она появилась в кабинете, сразу почувствовал, что его ждут неприятности. У нее был прямой взгляд и подбородок борца за справедливость. Впрочем, она была довольно привлекательной, хотя непокорные пряди каштановых волос не поддавались расческе и она давно не держала в руке тюбик с губной помадой. Взгляда пронзительных зеленых глаз было достаточно, чтобы мужчина обернулся ей вслед, глаза заставляли забыть о недостатках. Да, она была весьма недурна.

Жаль, что она все испортила. Оставалось надеяться, что она не сделает положение еще хуже своим непредсказуемым поведением.

Кейт моргнула, когда Беттенкурт бросил перед ней на стол какой-то лист бумаги.

– Сегодня в наш юридический отдел пришло письмо, доктор Чесни. Не по почте, его принес посыльный. Вам надо ознакомиться с ним.

Она бросила взгляд на заголовок, и у нее все сжалось внутри от плохого предчувствия. «Охара и Рэнсом, судебные адвокаты».

– Лучшая контора в городе, – объяснил Беттенкурт и, увидев ошеломленное выражение ее лица, добавил нетерпеливо: – Вас и нашу клинику привлекают к суду, доктор Чесни. За преступную халатность. Дэвид Рэнсом ведет дело.

У нее пересохло в горле. Она медленно подняла на Беттенкурта взгляд.

– Но я не понимаю…

– Умерший во время операции пациент.

– Но я объяснила, как все случилось. – Она повернулась к Эвери. – Помните, на прошлой неделе я вам сказала…

– Кларенс обсудил это со мной, – оборвал ее Беттенкурт, – и сейчас не время спорить.

– Но какой выход?

– Нам грозит иск в миллион долларов. Мы, как ваше руководство, несем за вас ответственность. Но не только деньги имеют значение. Наша репутация – вот главное.

Кейт поняла, что последует за таким зловещим заявлением. И сразу потеряла дар речи. Сидела, стиснув на коленях руки, и ждала, когда он нанесет удар.

– Тяжба плохо отразится на всей клинике, но еще хуже, если дело перейдет в суд, тогда последует большая огласка. Люди, пациенты прочитают и отшатнутся от нас. Впрочем, я вижу, что до сих пор ваша работа была вполне приемлемой.

Кейт вздернула подбородок.

– Приемлемой? – повторила она и взглянула на своего начальника. Эвери прекрасно знал, что до сих пор ее репутация была безупречна.

Он заерзал на стуле, его блеклые голубые глаза избегали ее взгляда.

– Ну, вообще-то, – промямлил он, – до сих пор работа доктора Чесни была более чем приемлемой…

Господи, старик, да заступись же за меня!

– На нее никогда не поступало жалоб, – закончил фразу Эвери.

– Тем не менее, – продолжал Беттенкурт, – вы нас поставили в весьма трудное положение. И поэтому мы решили, что будет лучше, если ваше имя больше не будет связано с нашей клиникой.

Наступила долгая тишина, слышалось лишь нервное покашливание доктора Эвери.

– Мы просим вас подать заявление, – уточнил Беттенкурт.

Вот оно. Удар нанесен. Как будто гигантская волна накрыла ее и оставила беспомощной и дрожащей на песке. Она спокойно спросила:

– А если я откажусь подавать заявление об уходе?

– Поверьте, доктор, ваш уход будет лучше для вашей биографии, чем…

– Увольнение…

Он наклонил голову.

– Мы поняли друг друга.

– Нет. – Кейт гордо выпрямилась. Холодная самоуверенность Беттенкурта не нравилась ей и раньше, а сейчас она его окончательно невзлюбила. – Вы меня не поняли.

– Но вы же умная женщина. Вы сами знаете, что мы не можем допустить вас теперь в операционную.

– Но это неправильно… – вдруг запротестовал Эвери.

– Простите? – Беттенкурт нахмурился и грозно взглянул на старика.

– Вы не можете просто ее выгнать. Она дипломированный врач, и существуют всякие комитеты, которые разбирают врачебные ошибки.

– Я хорошо знаком со всеми процедурами, Кларенс! Просто надеялся, что доктор Чесни трезво оценит ситуацию и поступит благоразумно. – Он снова взглянул на нее. – Так будет лучше для вас. Мы не станем портить ваш послужной список. Просто в досье появится уведомление, что вы ушли по собственному желанию. Я отпечатаю необходимый документ, он будет готов через час. Все, что надо от вас… – И осекся, увидев выражение ее глаз.

Кейт редко сердилась. И как правило, умела держать себя в руках. Но сейчас она сама испугалась охватившего ее бешенства.

– Поберегите вашу бумагу, мистер Беттенкурт, – с убийственным спокойствием произнесла она.

– Что ж, если таково ваше решение… – Беттенкурт посмотрел на Эвери, – когда у нас следующее заседание врачебной комиссии?

– Э-э-э, в следующий вторник, но…

– Внесите в повестку дня дело О’Брайен. Мы дадим возможность доктору Чесни объяснить свое поведение на комиссии. – Он повернулся к Кейт. – Вас будут судить коллеги, и это я нахожу справедливым. А вы?

Она проглотила свои возражения. Если сейчас она позволит себе высказать все, что думает о докторе Беттенкурте, ей больше никогда не работать в этой клинике. Или где-то еще. Он прилепит ей ярлык возмутителя спокойствия. Что внесет ее в черный список навсегда.

Они расстались вежливо. Для женщины, чью карьеру только что разорвали на куски, она сумела выдержать все представление достойно до самого конца. Обменялась рукопожатием с Беттенкуртом и, пока шла к двери, старалась держаться прямо, так же прошла по длинному коридору, но в лифте как будто что-то оборвалось. И когда двери вновь открылись, ее всю трясло. Ничего не видя вокруг, она пробежала через холл, и только сейчас ее пронзило осознание всего, что только что произошло.

Меня осудят. Меньше года работы здесь, и меня будут судить.

Ей всегда казалось, что суды и катастрофы где-то далеко и ее не коснутся. Никогда не могла представить, что ее станут судить за некомпетентность.

Ей стало дурно, и она прислонилась к стенке телефонной будки. Взгляд упал на свисавший с полки на цепочке телефонный справочник. Если бы они знали факты… Если бы я смогла им все объяснить…

Всего несколько секунд понадобилось, чтобы найти нужный номер. «Охара и Рэнсом. Адвокатская контора». Офис был расположен недалеко, на Бишоп-стрит. Она вырвала страницу и, вдруг почувствовав отчаянную надежду, поспешила к выходу.

Глава 2

– Мистер Рэнсом занят.

У секретаря в приемной, строгой седой дамы со стальным взглядом, было лицо, будто сошедшее с обложки журнала «Американская готика». Скрестив руки на груди, всем своим видом она давала понять, что пресечет любую попытку проникнуть в офис шефа.

– Но я должна его увидеть! – настаивала Кейт. – Это касается дела…

– Разумеется, – сухо прервала ее дама.

– Я только хочу ему объяснить…

– У него совещание.

Терпение Кейт готово было лопнуть. Она склонилась над секретарским столом и с вежливой яростью произнесла:

– Совещания не продолжаются вечно.

Секретарь улыбнулась:

– Это совещание именно такое.

Кейт ответно улыбнулась:

– Я подожду.

– Доктор, вы тратите свое время! Мистер Рэнсом никогда не встречается с обвиняемыми. Если возникнет нужда вас выпроводить, то я ни секунды… – В это время зазвонил телефон, и, схватив трубку, она отрывисто произнесла: – Слушаю. Контора «Охара и Рэнсом»! О, мистер Матесон, – она демонстративно повернулась к Кейт спиной, – да, эти документы у меня…

Кейт оглядела приемную. Заметила кожаный диван, картину известного художника на стене и изысканную икебану. Все хорошего вкуса и, безусловно, дорого стоило. Контора процветала. На поте и крови докторов, подумала она с отвращением.

Внезапно послышались громкие голоса, и она увидела, как в коридор из конференц-зала вывалилась небольшая компания молодых людей обоего пола. Который из них Рэнсом? Она всматривалась в лица, но ни один по возрасту не подходил для старшего партнера известной фирмы. Она обернулась – секретарь все еще сидела к ней спиной. Теперь или никогда.

Доля секунды понадобилась для принятия решения. Кейт проскользнула в зал и замерла у входа, ослепленная ярким солнечным светом. От дверей тянулся длинный стол для заседаний, обрамленный с обеих сторон рядами стульев.

Вливавшийся через окна поток солнечного света падал сзади на человека, сидевшего во главе стола напротив двери. Солнце золотило его светлые волосы. Не обращая внимания на Кейт, он внимательно просматривал лежавшие перед ним бумаги. В тишине был слышен лишь шелест переворачиваемых страниц.

Она проглотила комок в горле и выпрямилась.

– Мистер Рэнсом?

Рэнсом поднял голову, без выражения глядя на нее.

– Да. Вы кто?

– Я…

– Простите, мистер Рэнсом! – раздался позади возмущенный голос секретаря. Взяв Кейт за руку, она пробормотала: – Я же сказала вам, что он занят. Пройдите со мной…

– Я только хотела с ним поговорить!

– Вызвать охрану или вы самостоятельно покинете помещение?

Кейт выдернула руку.

– Попробуйте.

– Не заставляйте меня прибегать к силе…

– Какого черта здесь происходит? – Громкий голос эхом прокатился в пустом зале, и обе замолчали. Кейт почувствовала на себе внимательный взгляд.

– Кто вы такая?

– Кейт… – Она сбавила тон и старалась говорить спокойно. – Доктор Кейт Чесни.

Последовала пауза.

– Так. – Он снова склонился над бумагами. – Выведите ее отсюда, миссис Пирс.

– Я просто хотела сообщить вам некоторые факты! – настаивала Кейт, но секретарь уже тащила ее к двери, вцепившись хваткой бульдога. – Значит, вы не хотите знать правды? Вам так удобнее, это ваш метод? – Он не отвечал, игнорируя ее. – Вам наплевать на правду, так? Вы не хотите слышать, что на самом деле случилось с Эллен О’Брайен!

Он поднял голову, пронзительный взгляд задержался на ее лице.

– Подождите, миссис Пирс. Я передумал. Пусть доктор Чесни останется.

Миссис Пирс была поражена.

– Но… Она может быть опасна!

Он снова перевел взгляд на разгоряченное лицо возмутительницы спокойствия.

– Думаю, что справлюсь. Вы можете идти, миссис Пирс.

Пробормотав что-то неодобрительное, миссис Пирс ушла. Дверь за ней закрылась, и сразу стало очень тихо.

– Ну, доктор Чесни, – заговорил он, – теперь, когда вы совершили маленькое чудо, проникнув ко мне против воли миссис Пирс, вы так и будете стоять в дверях? – Он указал на стул возле себя. – Сядьте. Не станете же кричать мне через весь зал.

Его холодная ирония не позволила расслабиться, наоборот, обстановка становилась все более напряженной. Под его пронзительным взглядом она с трудом преодолела несколько шагов. Он оказался моложе, чем она ожидала: несмотря на известность, ему не было и сорока. Респектабельный костюм и галстук были безупречны, но сильный загар и выцветшие на солнце светлые пряди смягчали строгость облика. Повзрослевший серфер. Наверное, с детства занимался серфингом, на эту мысль наводили широкие плечи и длинные

конечности. Нос с горбинкой и угловатые черты не позволили бы назвать его красавцем. Она сразу отметила глаза – они были холодного голубого цвета, цепкие, ничего не упускающие, видевшие насквозь. Теперь эти глаза разглядывали ее так внимательно и досконально, что ей захотелось прикрыть руками грудь.

– Я пришла, чтобы сообщить вам некоторые факты, мистер Рэнсом.

– Как вы их видите?

– Как они есть на самом деле.

– Не трудитесь. – Он достал из портфеля папку с делом Эллен О’Брайен и выложил ее на стол. – Все факты здесь. Все, что мне надо.

Все, чтобы тебя повесить, хотел он сказать.

– Нет, не все.

– И вы собираетесь снабдить меня недостающими деталями? – Он улыбнулся, и она сразу безошибочно разглядела угрозу в этой улыбке. У него были идеальные острые белые зубы, и у нее мгновенно появилось чувство, что она видит челюсти акулы, готовые сомкнуться.

– Я собираюсь поделиться с вами правдой.

– О, естественно. – Он отодвинулся вместе со стулом от стола, вид у него стал скучающий. – Скажите, ваш адвокат знает, что вы здесь?

– При чем здесь мой адвокат? Я не говорила ни с каким адвокатом…

– Тогда вам лучше ему позвонить, и немедленно. Скоро он вам очень понадобится.

– Но это просто огромное недоразумение, мистер Рэнсом. Если вы меня выслушаете, я убеждена…

– Подождите. – Он вытащил из портфеля диктофон.

– Что вы собираетесь делать?

Он нажал на кнопку записи.

– Начинайте вашу историю. Я весь внимание.

В ярости она попыталась выключить устройство.

– Уберите эту штуку. Я еще не даю показания под присягой.

Несколько секунд они смотрели в глаза друг другу, потом он убрал диктофон, и она на миг почувствовала торжество.

– Так на чем мы остановились? – Его тон был холоден и вежлив. – О да, вы собирались мне рассказать, что в действительности произошло в операционной. – И он откинулся на спинку стула с таким видом, как будто приготовился смотреть представление.

Кейт помедлила. Теперь, когда он был готов ее выслушать, она не знала, с чего начать.

– Я… Я всегда очень осторожна в решениях, мистер Рэнсом. Может быть, я не обладаю, как другие, блестящим интеллектом, но я изучаю детали, тщательно взвешиваю за и против и никогда не делаю глупых ошибок.

Он поднял бровь, и стало ясно, что он думает о таком заявлении. Однако она проигнорировала молчаливый сарказм и продолжала:

– В ту ночь, когда Эллен О’Брайен поступила в отделение, ее принял доктор Сантини. Я писала все распоряжения по наркозу, проверяла анализы, в том числе и ЭКГ. Был воскресный вечер, техник куда-то отошел, я никуда не торопилась и сама взяла кардиограмму Эллен, которая была членом нашего коллектива, одной из нас. Она спросила меня, все ли нормально.

– И вы сказали, что да.

– Да. Все и было нормально, включая ЭКГ.

– И ошиблись.

– Я уже сказала, что не делаю поспешных заключений и глупых ошибок. И той ночью тоже не сделала.

– Кардиограмма находится у меня, как и вся история болезни. Она показывает инфаркт.

– Но эта не та ЭКГ, которую смотрела я!

Рэнсом непонимающе взглянул на нее.

– ЭКГ, которую видела я в ту ночь, была в норме, – настаивала Кейт.

– Тогда каким образом чужая кардиограмма попала в карту?

– Думаю, кто-то ее туда подложил.

– Кто?

– Я не знаю.

– Понятно, – отворачиваясь, пробормотал Рэнсом, – не могу дождаться, чтобы услышать, какое впечатление это произведет на суд.

– Мистер Рэнсом, если бы я ошиблась, то первая созналась бы в этом!

– Значит, вы на удивление, просто кристально честны.

– Неужели вы действительно думаете, что я способна сочинить такую глупую историю, чтобы выпутаться?

Он вдруг рассмеялся, и этот смех заставил ее вспыхнуть.

– Нет. Я думаю, что вы придумали бы что-нибудь более правдоподобное. – И добавил тоном, полным иронии: – Просто умираю от нетерпения узнать, как такая ошибка могла произойти? Как попала чужая ЭКГ в карту пациентки?

– Но откуда мне знать?

– У вас должна быть какая-нибудь версия.

– Ее нет.

– Ну же, доктор, не разочаровывайте меня.

– Я сказала – не знаю.

– Тогда хотя бы предположите!

– Может быть, ее сканировали пришельцы! – взорвалась она.

– Прекрасная идея. Но вернемся к реальности. Каким образом этот лист бумаги, – он указал на ЭКГ, – попал сюда?

– Я уже сказала. Сама чуть с ума не сошла, пытаясь понять! Мы делаем в день до сотни ЭКГ. Возможна ошибка персонала.

– Но вы начертали на листе свои инициалы.

– Я этого не делала.

– Что вы хотите сказать? Что это подлог?

– Наверно. То есть я хочу сказать, что… – Она вдруг смутилась и отбросила со лба непокорную прядь, теряя спокойствие под этим ничего не выражающим пристальным взглядом.

– Ну и? – прервал он молчание.

– Ну и – что?

– Как давно ваше имя подделывают на документах?

– Не делайте меня параноиком!

– Вы сами себя делаете, я тут совершенно ни при чем.

Кажется, он просто издевался над ней, она видела затаенный смех в его глазах. И самое худшее – она могла его понять. Ее версия действительно была похожа на выдумку.

– Ладно, – смягчился он, – давайте представим на миг, что вы говорите правду.

– Будьте так добры! – снова вспыхнула она.

– Я нахожу только два объяснения тому, что произошло. Или кто-то захотел разрушить вашу карьеру…

– Это абсурд. У меня нет врагов.

– …Или кто-то пытался скрыть следы убийства.

На ее лице появилось такое удивление, что он снова улыбнулся с видом превосходства. Эта улыбка начинала ее бесить.

– Поскольку второе объяснение кажется нам обоим еще более абсурдным, я вынужден заключить, что вы солгали. – Голос его понизился и стал вкрадчивым – акула приготовилась к нападению. – Ну же, доктор, расскажите всю правду. Это была ошибка хирурга? Анестезиолога?

– Ничего подобного!

– Слишком много окиси азота и недостаточно кислорода?

– Я уже сказала, ошибок допущено не было!

– Тогда почему Эллен О’Брайен умерла?

Кейт молчала, глядя ему в глаза, пораженная властностью голоса и пронзительностью взгляда. И вдруг случилось нечто удивительное – между ними проскочила невидимая искра. Кейт неожиданно увидела и осознала, насколько Рэнсом привлекателен как мужчина. Слишком привлекателен. И это прозрение было опасным для нее. Она чувствовала, что начинает краснеть, жаркая волна прошла по телу.

– У вас нет ответа? – Он явно наслаждался своей властью над ней. – Тогда позвольте я вам расскажу, что случилось. Второго апреля, в воскресенье вечером, Эллен О’Брайен поступила в хирургическое отделение по поводу удаления желчного пузыря. Как анестезиолог, вы дали распоряжения сделать необходимые анализы и провести обследование, включая ЭКГ. Вы взглянули на результаты, прежде чем покинуть клинику. Может быть, вы спешили. Например, торопились на свидание. И допустили фатальную ошибку. Вы просмотрели эти угрожающие пики на кардиограмме. Вы их не заметили и поставили сверху свои инициалы. И покинули клинику, не подозревая о том, что у пациентки сердечный приступ.

– Но у нее не было никаких симптомов! Обычно бывает боль в груди…

– Но здесь вот написано рукой медсестры в приемном покое – боли в брюшной полости…

– Это был камень.

– А может быть, сердце? Но следующие факты неоспоримы – вы и доктор Сантини взяли ее на операцию. Несколько уколов анестезиолога, и ее сердце не выдержало, оно остановилось. Вы не смогли его запустить. – Он сделал многозначительную паузу, глядя ей прямо в глаза. – И вы потеряли пациентку.

– Но я помню ее ЭКГ! Она была в норме! – крикнула Кейт в отчаянии и сама испугалась, когда эхо разнеслось по пустому залу.

На Рэнсома ее крик не произвел впечатления. Он устало вздохнул.

– Не легче все-таки признать ошибку, доктор?

– Легче для кого?

– Для всех. Все пройдет без суда, быстро и сравнительно безболезненно.

– Признать ошибку, которой я не совершала?

Терпение лопнуло и у него.

– Вы хотите суда? – повысил голос Рэнсом. – Прекрасно. Но позвольте вас предупредить о моем способе работы. Я всегда довожу дело до конца. Я вас стану рвать на части в суде, а когда закончу, вы горько пожалеете, что из-за своего нелепого честолюбия не воспользовались моим советом. У вас нет шансов, доктор.

Ей захотелось взять его за лацканы безукоризненного покроя и как следует встряхнуть. Хотелось крикнуть, что в их разговорах об урегулировании дела до суда игнорируется ее личная боль от гибели Эллен. И вдруг ее охватила усталость, решимость сражаться пропала, она почувствовала полное опустошение.

– Я хотела бы подтвердить, что сделала ошибку, – уже спокойнее произнесла она. – Я провела всю неделю в мучительном раздумье. Вспоминала все, что случилось, раз за разом. Эллен мне доверяла, а я позволила ей умереть. Я жалела, что стала врачом, лучше бы официанткой или кем-то еще… Вы не представляете, сколько сил было потрачено, чтобы стать тем, кем я стала. А теперь дело идет к тому, что я не смогу больше работать… – Она замолчала и опустила голову.

Дэвид смотрел на нее и пытался побороть в себе чувство, которое испытывал сейчас. Он всегда мог по глазам человека определить, что тот лжет. Он внимательно наблюдал за Кейт во время ее последнего монолога, искал в глазах малейшие признаки, которые сказали бы ему, что она лжет.

Но встретил лишь открытый прямой взгляд глаз, похожих на пару прекрасных изумрудов.

Последнее наблюдение поразило его самого. Он вдруг впервые заметил, что перед ним красивая женщина. Простое зеленое платье, собранное на талии, не скрывало волнующих очертаний, трудно было не заметить под шелком женственные линии. Лицо, в отличие от безупречных линий фигуры, имело недостатки. У нее был борцовский подбородок. Волосы непослушные, не поддающиеся расческе, прикрывали слишком высокий лоб. Такое лицо трудно было назвать красивым, но его никогда не привлекала классическая красота.

Дэвид вдруг разозлился на себя. И на нее. Потому что давно не был неискушенным юнцом и заметил, как она на него реагирует. Он подчеркнуто невежливо взглянул на часы. Захлопнул портфель и встал.

– Я опаздываю. Так что прошу прощения…

Он уже был на полпути к дверям, когда она позвала:

– Мистер Рэнсом?

Он раздраженно обернулся:

– Что еще?

– Я знаю, что моя история не производит впечатления правдивой, и не надеюсь, что вы мне поверите. Но я клянусь – это правда.

Он понимал ее отчаяние и надежду пробить броню его скепсиса. Дэвид и сам не знал, верит ей или нет; и что его еще чертовски тревожило – инстинкт подвел в самый решающий момент, его спугнула пара зеленых, как изумруд, глаз.

– Верю я или нет, не относится сейчас к делу. Не теряйте времени, доктор. Поберегите ваш пафос для присяжных. – Слова прозвучали суровее, чем он ожидал, потому что она вздрогнула, как от удара.

– Значит, ничего нельзя сделать…

– Ничего.

– Я думала, что смогу вас переубедить…

– Тогда вы плохо знаете юристов. Прощайте, доктор Чесни. – Он повернулся и направился к выходу. – Увидимся в суде.

Глава 3

У вас нет ни малейшего шанса. Кейт вспоминала слова адвоката вновь и вновь, сидя за столиком в кафетерии клиники. Сколько она продержится в суде, прежде чем обвинение ее уничтожит? Она научилась владеть собой, постоянно имея дело с жизнью и смертью. Когда в операционной возникали критические моменты, она справлялась и продолжала делать свое дело профессионально, не теряя хладнокровия. Но зал суда – другое дело. Это территория Дэвида Рэнсома. И не она, а он будет чувствовать себя там как рыба в воде, а она будет так же беспомощна, как пациент на операционном столе. Как, каким образом сможет она отразить атаку того, кто имеет репутацию разрушителя докторских карьер?

Она никогда не боялась мужчин. Она училась с ними и работала среди них. Дэвид Рэнсом – первый, кто напугал ее, и сделал это без особого труда. Если бы он был маленького роста, лысый или толстый… Если бы она могла придраться к внешности… Но нет! Ее заставляла поежиться мысль об этих пронзительных голубых глазах!

– Мне кажется, тебе не помешает компания, – раздался знакомый голос.

Подняв глаза, она увидела Гая Сантини, смотревшего на нее сквозь свои нелепые очки с толстыми линзами.

Она кивнула ему:

– Привет.

Он пододвинул стул и сел.

– Как ты, Кейт?

– Ты имеешь в виду, что меня устранили? – Она попыталась улыбнуться. – Просто замечательно.

– Слышал, что старик прогнал тебя из операционной. Сожалею.

– Не могу винить старика Эвери. Он просто подчинился приказу.

– Беттенкурта?

– Кого же еще?

Гай фыркнул.

– Так бывает, когда клиникой руководят проклятые экономисты-управленцы. Они не могут ни о чем думать, кроме прибыли. Ради выгоды он способен продать всех своих родных. Такой, как он, вырвет и продаст золотые зубы своих предков.

– А потом пришлет им счет за проведенную операцию, – также мрачно пошутила Кейт.

Но оба остались серьезными.

Шутка была слишком близка к правде.

– Если тебе от этого станет немного легче, Кейт, у тебя будет хорошая компания в суде. Меня тоже вызывают.

– О, Гай, это все из-за меня, прости!

Он пожал плечами:

– Подумаешь, большое дело! Меня и раньше привлекали. Поверь, болезненно реагируешь лишь первый раз.

– А что случилось?

– Дело о травме. Поступил мужчина с разрывом селезенки. Я не мог его спасти. – Он покачал головой. – Когда я увидел у себя на столе письмо с уведомлением от судебного адвоката, мне захотелось выброситься в окно. Сьюзен решила отвести меня к психологу. Но знаешь, что было? Я выжил. И ты тоже пройдешь через это, если будешь все время помнить, что они не нападают лично на тебя. Они атакуют работу, которую ты делала.

– Не вижу разницы.

– И в этом твоя проблема. Ты не можешь отделить себя от работы. Мы оба знаем, через какой ад ты проходишь, мы оба знаем, что ты слишком много времени отдаешь работе, иногда практически живешь в клинике.

Он прав. Может, быть работой она пыталась заполнить пустоту в личной жизни?

– Но я не похоронила себя на работе, – оправдывалась она, – я даже начала снова встречаться с мужчиной.

– И вовремя. Кто этот парень, я его знаю?

– На прошлой неделе я ходила на свидание с Эллиотом.

– А, тот горилла из группы компьютерщиков? – Он вздохнул, Эллиот был похож на известного комического персонажа. – Наверное, хорошо повеселились.

– Ну да… Было весело. Он пригласил меня к себе.

– Правда?

– И я пошла.

– Ты пошла?!

– Он хотел показать мне технические новинки.

Гай с интересом наклонился к ней.

– И что было дальше?

– Мы слушали новые диски. Играли в компьютерные игры.

– И?

Она вздохнула.

– И после восьми раундов «Зорка» я поехала домой.

Гай, застонав, откинулся на спинку стула.

– Эллиот Лафферти никак не относится к категории горячих любовников. Тебе надо обратиться в службу знакомств. Вот, послушай, я даже выписал для тебя из объявлений: «Умная, привлекательная женщина ищет…»

– Папа! – раздался счастливый детский возглас.

Гай повернулся.

– Вот и мой Уилл! – Смеясь, он вскочил и, подхватив на руки подбежавшего сына, подбросил его вверх. Пятилетний Уилл со счастливым смехом приземлился в надежные отцовские руки.

– Я ждал тебя, где ты был?

– Мама опоздала.

– Опять?

Уилл наклонился к уху отца и заговорщицки прошептал:

– Адель была просто в ярости. Ее парень должен был повести ее в кино.

– Ага. Но нам совершенно ни к чему сердить Адель, правда? – И Гай посмотрел на приближавшуюся к ним жену. – Мы опять испытываем терпение няни?

– Клянусь, я не виновата, это все из-за полнолуния! – засмеялась Сьюзен и отбросила за ухо непослушный завиток огненно-рыжих волос. – Все мои пациенты просто сошли с ума, не могла их выпроводить из офиса.

Гай повернулся к Кейт.

– И она называет это неполным рабочим днем!

Сьюзен любовно потрепала мужа по щеке, в этом жесте было что-то материнское. Сьюзен была некрасива, с коренастой фигурой, приземистой, как у жены фермера, с лицом в веснушках. Но сейчас в улыбке, которую она обратила на сына, светилась ее внутренняя красота.

– Папочка! – Уилл пританцовывал вокруг ног Гая, как эльф. – Подбрось меня еще.

– Позже, Уилл, – сказала Сьюзен, – надо забрать машину папы, пока гараж не закрыли.

– Ну пожалуйста!

– Ты что, не слышала? Он же сказал волшебное слово. – И, с львиным рыком схватив сына, Гай высоко его подкинул, и Уилл заверещал от радости.

Сьюзен посмотрела на Кейт:

– У меня два ребенка. Маленький и большой.

– Я все слышу. – Гай властно обнял жену за плечи. – И за это, леди, вы отвезете меня домой.

– Как насчет «Макдоналдса» сегодня вечером?

– Ясно. Кто-то не хочет готовить ужин.

Помахав Кейт, Гай повел семейство к выходу. Она слышала, как он спросил Уилла:

– Хочешь большой чизбургер?

– Мороженое.

– О такой альтернативе я не подумал.

Кейт могла представить, как они проведут оставшийся вечер. Сначала «Макдоналдс», где с шутками, весело они поужинают, стараясь уговорить Уилла поесть, потом дом, пижама, сказка на ночь, детские тонкие руки обовьют родительскую шею, потребуют поцелуя на ночь.

А я что буду делать дома?

Она вздохнула. Счастливый Гай.

Покинув офис, Дэвид поехал по Нуану-авеню, повернул на проселочную дорогу, ведущую к старому кладбищу. Оставив машину в тени баньянового дерева, прошел мимо мраморных ангелов в более новый сектор, где памятников не было, лишь бронзовые таблички на земле отдавали дань усопшим. У раскидистого баобаба остановился и посмотрел на табличку у ног.

НОЙ РЭНСОМ

Семь лет

Это было хорошее место, на склоне холма, отсюда открывался вид на город. Здесь всегда дул ветерок, иногда с моря, иногда с долины. Закрыв глаза, Дэвид мог определить по запаху направление. Он не выбирал место. И не мог вспомнить, кто сделал это, может быть, просто оказалось свободное именно здесь. Встав на колени, он смел с плиты сухие листья, потом поднялся и стоял, пока не послышался шелест длинной юбки и постукивание палки.

– Вот и ты, Дэвид.

К нему подходила высокая женщина с серебряными волосами.

– Тебе не надо было приходить, мама. С твоей больной ногой.

Она палкой указала на небольшой белый домик в стороне, на краю кладбища:

– Я увидела тебя из окна кухни. И решила выйти и поздороваться. Не могла дождаться, когда ты приедешь навестить меня.

Он поцеловал ее щеку.

– Прости. Был очень занят. Но я собирался сейчас зайти к тебе.

– Разумеется. – Она перевела взгляд голубых глаз, таких же, как у сына, на могилу. И в шестьдесят восемь ее глаза оставались пронзительного голубого цвета. – Некоторые даты лучше забыть, – мягко сказала она.

Он не ответил.

– Знаешь, Дэвид, Ной всегда хотел брата. Может быть, пришло время подарить ему.

– О чем ты, мама?

– Это естественно, верно?

– Может быть, сначала надо жениться?

– Конечно. У тебя кто-то есть на примете? – с надеждой спросила мать.

– Ни души.

Вздохнув, она взяла его под руку.

– Я так и думала. Пойдем. Раз тебя не ждет шикарная блондинка, выпьешь кофе со старой матерью.

Они двинулись по направлению к домику. Джинкс упрямо отказывалась от советов докторов, которые вообще не рекомендовали ей ходить. Она подвернула лодыжку, играя в теннис, такая женщина вряд ли будет сидеть в кресле за вязанием.

Они поднялись на крыльцо и вошли на кухню. Их встретила пожилая компаньонка матери.

– Вот и вы! – вздохнула Грейси. – Я никак не могу удержать эту женщину дома, – пожаловалась она Дэвиду.

Он пожал плечами:

– И никто не сможет.

Они сели за стол. Кухня напоминала тропики, отовсюду свешивались зеленые растения, их раскачивал легкий ветерок, проникавший из распахнутого окна.

Дэвид отвел от лица ветку.

– Не могу понять, как ты можешь целый день смотреть на кладбище.

– Из окна я вижу своих друзей: вот миссис Гото, вот мистер Карвальо и наш Ной на склоне. Я думаю о них так, как будто они спят.

– Господи, мама.

– Твоя проблема, Дэвид, в том, что ты не можешь перестать бояться смерти.

– Что ты предлагаешь?

– Верни бессмертие. Роди еще ребенка.

– Я не женюсь, мама, и перестань говорить на эту тему.

Она, как всегда, проигнорировала возражение сына.

– В прошлом году ты встретил одну молодую женщину. Где она?

– Вышла замуж. За кого-то еще.

– Жаль.

– О да, бедный парень.

– О, Дэвид! Когда ты станешь взрослым?

Дэвид улыбнулся и сделал глоток из чашки. Еще одна причина, почему он редко посещал мать. Кроме участия в воспоминаниях надо было пить ужасный кофе Грейси.

– Как проводишь день, мама? – вежливо спросил он.

– С каждой минутой хуже.

– Еще кофе, Дэвид? – Кофейник Грейси угрожающе навис над его чашкой.

– О нет! – Он накрыл рукой чашку, и обе посмотрели на него с удивлением. – Я хотел сказать, э-э-э… Спасибо, Грейси.

– У тебя что-то не так, помимо твоей личной жизни?

– Еще более занят, чем обычно.

– Ты слишком серьезно относишься к работе.

– Такова работа.

– Привлекать докторов к ответственности? Просто еще один способ заработать.

– Моего доктора один раз привлекли, – заметила Грейси. – Все эти ужасные слухи о нем, разговоры… Я считала его святым.

– Никто не святой. И менее всего доктора, – мрачно заключил Дэвид. Потом задумался, глядя в окно и вспоминая дело О’Брайен.

Он думал о нем весь день. Или, скорее, о зеленоглазой Кейт Чесни. И решил, что все-таки она лжет. Дело было легче, чем ожидалось. Он уже знал, как вести допрос в суде. Сначала легкие вопросы: имя, образование, практика. У него была привычка расхаживать в зале суда, делая круги вокруг обвиняемого. Жестче вопросы, ?же круги. И когда настанет время самого убийственного вопроса, он окажется с преступником лицом к лицу. И все будет кончено.

Он встал.

– Надо идти. Позвоню, мама.

Джинкс недоверчиво фыркнула:

– Когда? На следующий год?

Он потрепал по плечу Грейси и прошептал на ухо:

– Желаю удачи. Не позволяй ей доводить тебя до умопомрачения.

– Я? Свожу с ума? Ха!

Грейси вышла проводить его, помахала рукой на прощание и постояла, глядя, как он удаляется.

– До свидания, Дэвид, – прошептала она ласково вслед.

Она еще долго смотрела, как он идет и садится в машину, потом грустно сказала:

– Как он несчастлив! Если бы он смог забыть…

– Он не забудет, – вздохнула в ответ Джинкс, – он пронесет горе через всю жизнь и умрет с этим.

* * *

Дул сильный северо-западный ветер, когда катер отошел от причала, чтобы развеять над закатным морем прах Эллен О’Брайен. Это было так естественно – развеять пепел над волнами, освещенными закатным солнцем. Священник бросил со старого причала в воду венок из желтых цветов. Цветы, подхваченные течением, медленно поплыли по воде, как символ прощания, и Патрик О’Брайен снова заплакал.

Плач, подхваченный ветром, донесся через толпу до того места, где стояла Кейт. Одинокая и всеми игнорируемая, она приткнулась около причала с рыбацкими парусниками, сама не понимая, зачем пришла сюда. Может быть, чтобы наказать себя? В попытке сказать всему миру, как она сожалеет? Это внутренний голос, страдающий и умоляющий о прощении, велел ей прийти.

Там была и делегация из клиники. Медсестры, жавшиеся друг к другу, несколько акушерок. Кларенс Эвери, чьи седые волосы встали дыбом от ветра, и голова стала похожа на одуванчик. Даже Джордж Беттенкурт явился, но стоял немного в стороне, с неподвижным лицом, напоминавшим маску. Для всех этих людей клиника был больше чем просто работа, это был их второй дом. Вторая семья. Доктора и сестры часто принимали роды друг у друга. Эллен О’Брайен помогла многим их детям появиться на свет. И теперь они провожали ее.

Отблеск заката на чьих-то светлых волосах привлек внимание Кейт, она вгляделась – в конце пирса стоял Дэвид Рэнсом, его голова возвышалась над толпой. Он был в соответствующем печальному ритуалу черном костюме и галстуке, но эмоций выражал не больше, чем каменная стена. Есть ли в нем вообще простые человеческие чувства? Ты когда-нибудь плачешь? Ты когда-нибудь смеешься? Ты когда-нибудь занимаешься любовью?

Последняя мысль возникла неожиданно. Любовь? Она могла себе представить, что такое заниматься любовью с Дэвидом Рэнсомом, – он будет доминировать, подавляя партнера и подчиняя своим желаниям.

Свет последних лучей заходящего солнца окутал его фигуру золотистой мантией победителя. Какой шанс может быть у нее против такого человека?

От порыва ветра зашумели высокие мачты, заглушив последние слова священника. Когда наконец все было кончено, она не нашла сил двинуться с места. Смотрела, как проходили мимо люди. Никто из них не подошел к ней. Один Кларенс Эвери остановился было, попытался что-то сказать, но, так и не осмелившись, побрел дальше. Мэри и Патрик О’Брайен даже не взглянули в ее сторону. Когда мимо проходил Дэвид, в его глазах она уловила искру узнавания, но и он, не останавливаясь, прошагал мимо нее. Как будто она была невидимкой.

Когда она нашла в себе силы двинуться с места, причал опустел. На фоне умирающего заката мачты парусных судов торчали частоколом, как мертвые стволы деревьев. Добравшись до своего автомобиля, она с трудом, окончательно обессилев, начала рыться в сумке, чтобы отыскать ключи, но сумка выпала из рук, и содержимое рассыпалось по асфальту. Кейт не могла заставить себя двинуться с места. Она будто примерзла к асфальту. Она не знала, видит ли кто-нибудь ее сейчас.

Ее заметил Дэвид. Проводив своих клиентов и попрощавшись, он обратил внимание, что Кейт еще здесь. Дэвид был очень удивлен, увидев ее на церемонии прощания. Довольно умный ход с ее стороны, публичное появление и изъявление раскаяния должно было произвести впечатление на О’Брайенов. Но когда увидел, как одиноко побрела она на парковку, понял, какую храбрость она проявила, показавшись сегодня здесь.

Он тут же одернул себя, напомнив, что некоторые врачи сделают все, чтобы оправдать себя перед законом.

И, потеряв интерес, пошел к своей машине. Пройдя полпути, услышал, как что-то звякнуло об асфальт, и, обернувшись, увидел, что она выронила сумку. Кейт застыла с ключами в руке, глядя перед собой, как обиженный ребенок, так продолжалось несколько минут. Потом медленно нагнулась и неохотно начала собирать вещи.

Почти против своей воли он двинулся к ней на помощь. Она не замечала его приближения. Нагнувшись, он подобрал с земли несколько монет и протянул ей. Она не шевелилась.

– Кажется, вам нужна помощь.

Поскольку она все еще не замечала протянутой руки с мелочью, ему пришлось просто вложить ей в ладонь монеты. Она поблагодарила.

Некоторое время они смотрели друг на друга.

– Я не ожидал увидеть вас здесь, – заметил он, – зачем вы пришли?

– Это было… ошибкой.

– Ваш адвокат вам посоветовал прийти?

Она удивилась:

– Почему?

– Показать О’Брайенам, что сожалеете.

Она вспыхнула:

– Вот как вы считаете? Что это было проявлением стратегии?

– Такое случается.

– Зачем вы здесь, мистер Рэнсом? Это часть вашей стратегии? Показать клиентам, что вы сочувствуете?

– Да, я им сочувствую.

– И думаете, что я – нет.

– Я этого не говорил.

– Но вы это имели в виду.

– Не принимайте все мои слова так близко к сердцу.

– Нет, я принимаю их как выпад лично против меня.

– Не надо. Это просто моя работа.

Она сердитым жестом отбросила со лба прядь.

– И какая у вас работа? Наемного убийцы?

– Я не нападаю на людей. Я нападаю на их ошибки. И даже самые лучшие из докторов допускают ошибки.

– Это вы мне говорите! – Она отвернулась, глядя на море, где течением все дальше относило прах Эллен О’Брайен. – Я знаю это, мистер Рэнсом. Каждый раз перед операцией понимаю, что, если я возьму не ту ампулу или неправильно настрою аппарат, чья-то жизнь окажется в опасности. О, у нас свои способы снимать напряжение. Черные шутки и черный юмор. Наш смех и предметы для шуток могут показаться кощунственными, но таким образом мы выдерживаем и выживаем. Вы об этом понятия не имеете, законники. Вы и вся ваша проклятая профессия. Вы не представляете, что бывает, когда мы теряем больного.

– Я знаю, что это такое для семьи вашего пациента, которого вы теряете. Каждая ваша ошибка – их страдания.

– Видимо, вы никогда не ошибаетесь.

– Все совершают ошибки. Но разница в том, что вы свои стараетесь похоронить.

– Вы никогда не дадите мне забыть, верно?

Закат приобрел оранжевый оттенок, отблеском горел на ее волосах и красных щеках. И вдруг он подумал, что будет, если пальцами расчесать ее спутанные ветром волосы и губами коснуться лица. Мысль выскочила ниоткуда и была нелепой. Но она стояла в такой опасной близости, что он должен был либо отступить, либо поцеловать ее.

Он с трудом вновь обрел хладнокровие.

– Как я уже сказал, доктор Чесни, мы просто делаем свою работу.

Она покачала головой, ее каштановые, с выцветшими от солнца прядями, непослушные волосы струились по ветру.

– Нет. Я думаю, это что-то вроде вендетты. Вы готовы повесить всех медиков, не так ли?

Дэвид был поражен ее обвинением. Но, даже начав опровергать, вдруг понял, что она нанесла удар близко к цели. Она сумела найти и разбередить старую рану, вскрыла ее как скальпелем.

– Я хочу мстить всем медикам? В таком случае позвольте вам сказать, мою работу легкой делают именно такие некомпетентные врачи.

У нее в глазах вспыхнула ярость, они стали горячими, как раскаленные угольки. Он думал, что она ударит его. Но Кейт развернулась, села в свою машину и захлопнула дверцу.

Потом так рванула свой «ауди», что ему пришлось отскочить в сторону.

Он смотрел на удалявшийся с ревом автомобиль и жалел о своих жестоких словах. Причина все-таки была для этого веская – пагубное влечение, которое он к ней испытывал, надо было оборвать сразу и навсегда.

Вдруг что-то блеснуло в том месте, где стояла ее машина. Он поднял серебряную ручку, которая, очевидно, закатилась под автомобиль. На ней было выгравировано имя владельца – Кэтрин Чесни. Доктор медицины.

С минуту он постоял, думая о о Кэтрин. Интересно, ждет ли ее кто-нибудь дома? И вдруг его пронзила мысль о том, насколько он одинок, как пуста его жизнь.

Когда-то он был благодарен наступившей пустоте. Она означала благословленное окончание ноющей боли. Теперь захотелось других ощущений, чтобы удостовериться, что он еще жив. Он знал, что эмоции внутри него все же

теплятся, и теперь убедился в этом, когда смотрел на Кейт. Не полное пробуждение, не вспышка, а просто слабое напоминание.

Оказывается, пациент скорее жив.

Он вдруг понял, что улыбается. Подбросил ручку вверх и ловко поймал. Положил в нагрудный карман и пошел к машине.

Собака лежала под наркозом, раскинув лапы, брюхо было выбрито и смазано йодом. Это была немецкая овчарка, в приличном состоянии, ее хорошо содержали, но не любили.

Гай Сантини ненавидел, когда красивое животное погибает в результате научных экспериментов. Но лабораторных животных было мало, и он вынужден довольствоваться тем, что ему поставляют. Он утешил себя сознанием, что животные не испытывали боли. Они спали, находились в блаженном неведении до конца. Потом им вводили смертельную инъекцию пентотала. Такой конец лучше, чем на улице, и каждый служил науке, приближая открытия, раскрывая тайны заболеваний печени.

Он взглянул на инструменты, разложенные на подносе, – все было готово.

Двери позади него распахнулись, послышались шаги, и он увидел около стола Энн Рихтер.

– Я тоже не пошел на прощание с Эллен, – сказал он.

– Я хотела. Но не смогла. Я испугалась.

– Испугалась? – Он нахмурился. – Почему?

– Прочти, Гай. – Она протянула какое-то письмо. – Теперь у меня нет выбора. Это от адвоката Чарли Декера. Они задают вопросы о Дженни Брук.

– Что? – Гай стянул с рук перчатки и взял письмо. Прочитав, посмотрел на нее с тревогой. – Ты ведь не собираешься им рассказать? Энн, ты не можешь…

– Но это повестка в суд, Гай.

– Солги им, Энн, ради бога!

– Декер на свободе, Гай. Ты ведь не знал об этом? Его выпустили из клиники месяц назад. Он звонил мне. Оставлял записки у моей двери. Иногда мне казалось, что он следит за мной.

– Он ничего тебе не сделает.

– Правда? – Она кивнула на письмо. – Генри получил такое же. И Эллен. Перед тем как она… – Энн испуганно замолчала, как будто боясь накликать беду. И только сейчас Гай заметил, как плохо она выглядит. Круги под глазами, белокурые волосы, которыми она так гордилась, давно не знали ухода. – Надо с этим кончать, Гай, – мягко сказала она, – я не могу прожить до конца дней, оглядываясь, нет ли за спиной Чарли Декера.

Он смял письмо в кулаке. И начал расхаживать по комнате.

– Ты можешь уехать с островов, уехать на время…

– Куда, Гай? На какое время? На месяц, на год?

– Насколько потребуется, пока все не успокоится. Я дам тебе денег. – Он полез в бумажник и достал пятьдесят долларов, все, что было наличными. – Вот. Я обещаю, что вышлю тебе после…

– Я не прошу у тебя денег.

– Возьми, прошу тебя.

– Я уже сказала…

– Ради бога, возьми! – Его громкий отчаянный возглас эхом отразился от белых стен. – Прошу, Энн. Как друга.

Она взглянула на деньги, потом неохотно взяла.

– Я уеду сегодня. В Сан-Франциско. У меня там брат…

– Позвони, когда доберешься. Я сразу вышлю тебе еще денег.

Но она, кажется, уже не слушала.

– Энн? Сделай это для меня. Сделаешь?

Он хотел ее успокоить, сказать, что все обойдется. Впрочем, оба знали, что это ложь. Он смотрел, как она медленно идет к двери. И сказал ей в спину:

– Спасибо, Энн.

Она не обернулась. Просто остановилась, слегка пожала плечами и ушла.

Идя к автобусной остановке, она вдруг поняла, что до сих пор сжимает в руке банкнот. Пятьдесят долларов! Как будто этого достаточно. Тысяча, миллион долларов – и то не было бы достаточно.

Она села в автобус до Вайкики. В Калакуа вышла и пошла по направлению к дому. Мимо с ревом проносились автобусы, обдавая ее выхлопами. Бетонные коробки по обеим сторонам как будто давили, толпы туристов заполняли тротуары, мешая пройти, чувство напряжения не покидало, наоборот, возрастало.

Она ускорила шаги.

Вскоре толпа рассеялась. Она стояла у светофора, ждала зеленый. И вдруг отчетливо поняла – кто-то за ней следит.

Она резко обернулась и внимательно оглядела улицу. Старик шаркал ногами по асфальту, да прогуливалась парочка с коляской, цветные гавайские рубашки свисали с вешалки у дверей магазина. Ничего необычного. Или так кажется…

Зажегся зеленый. Она быстро перешла через улицу и почти бегом направилась к дому. Оказавшись у себя в квартире, сразу начала собирать вещи. Бросая одежду в чемодан, размышляла, что предпринять. Самолет в Сан-Франциско улетает только ночью. Брат примет ее на какое-то время, не задавая лишних вопросов. Он всегда понимал, что у каждого есть свои тайны и каждый может бежать и скрываться.

Но так не должно быть, можно пойти в полицию…

И что им сказать? Правду о Дженни Брук? Что она, Энн Рихтер, совершила незаконный поступок, распорядилась невинной жизнью?

Она принялась расхаживать по комнате, поймала свое отражение в зеркале – волосы растрепаны, глаза с размытой тушью. Она не узнавала свое лицо.

Только один звонок, признание. Секрет, однажды раскрытый, перестает быть опасным.

Она потянулась к телефону и дрожащими руками набрала номер Кейт Чесни. Пока шли гудки вызова, она слышала, как гулко колотится сердце. После четырех гудков включился автоответчик, и она сказала:

– Это Энн Рихтер. Мне надо с тобой поговорить. Это об Эллен. Я знаю, почему она умерла.

Затем повесила трубку и стала ждать звонка.

Кейт услышала ее сообщение несколько часов спустя.

Покинув пристань, она бесцельно ездила по городу, оттягивая момент возвращения в пустой дом. Пятница, вечер. Надо куда-то пойти, отвлечься. Она поужинала в ресторанчике на набережной, где все веселились, кроме нее. Стейк показался безвкусным, а шоколадный мусс таким тягучим, что она с трудом могла протолкнуть его в горло. Она оставила большие чаевые как извинение за отсутствие аппетита.

Потом направилась в кино. Соседом с одной стороны оказался мальчик лет восьми, с другой – молодая парочка, занятая друг другом.

Дотерпев до середины, она ушла. Если бы спросили, она не вспомнила бы название фильма. Разве только что это была комедия, хотя она ни разу не рассмеялась. В десять она была дома. Начала было раздеваться, но присела на кровать и тут заметила огонек на телефоне – поступили сообщения. Включила запись и пошла к шкафу повесить одежду.

«Доктор Чесни, это из лаборатории, сахар у мистера Берга девяносто восемь… Хэлло, это Джун из офиса мистера Эвери. Не забудьте, что заседание квалификационной комиссии состоится во вторник… – И тут Кейт услышала последнее сообщение: – Это Энн Рихтер. Пожалуйста, Кейт, мне надо с тобой поговорить. Это об Эллен. Я знаю, почему она умерла».

Раздался щелчок окончания записи, Кейт подошла и вновь нажала на пуск. Сердце колотилось, пока она ждала повторения последнего сообщения. Это об Эллен. Я знаю, почему она умерла…

Кейт схватила с прикроватного столика телефонную книжку. Линия была занята. Она набирала снова и снова, но безуспешно. Она бросила трубку и поняла, что надо делать, и немедленно.

Снова подошла к шкафу и быстро оделась.

Движение в Вайкики плотное, бампер к бамперу. На улицах было полно народу, как всегда в это время года – туристы, солдаты в увольнении и завсегдатаи улиц, все это двигалось в свете уличных огней. В Вайкики люди приезжали за необычными впечатлениями, но сегодня Кейт почему-то пугали эти лица, мертвенно-бледные в свете неоновых реклам. Солдаты, слоняющиеся около дверей ночных заведений. Евангелист на перекрестке, устрашающе выпучив глаза, размахивающий Библией: близится конец света!

Она затормозила у красного сигнала светофора, и на секунду ей показалось, что его горящий взгляд был устремлен прямо на нее. Сигнал сменился на зеленый, она нажала на акселератор и рванула с места, оставив вопли проповедника позади.

Чувствуя нервное напряжение, она поднялась по ступенькам к двери подъезда. Ей повезло – вышла парочка, и она проскользнула в открывшуюся дверь. Зайдя в лифт, нажала кнопку седьмого этажа и стала смотреть, как зажигаются на табло огоньки цифр, меняя друг друга. Все происходящее напоминало сон. На седьмом двери открылись. В коридоре было пусто. По серой дорожке она подошла к квартире номер 710 и увидела, что дверь приоткрыта.

– Энн? – позвала она.

Ответа не последовало.

Кейт толкнула дверь и увидела нечто заставившее ее застыть на пороге. Перевернутый стул, разбросанные журналы, красное пятно с подтеками на стене… На бежевом ковре, в большой луже крови лежало тело Энн Рихтер. Накатила волна дурноты, и Кейт схватилась за косяк, чтобы не упасть. Сквозь шум крови в ушах она слышала громкое дыхание. Но не ее. Кто-то притаился внутри.

В зеркале гостиной она уловила какое-то движение и увидела в нем отражение мужчины. Он притаился за шкафом.

Они встретились в зеркале глазами, и на долю секунды ей показалось, что в глубоких впадинах глаз незнакомца она увидела свою смерть. Он открыл рот, как будто пытаясь что-то сказать, но изо рта вышло лишь шипение, похожее на предупреждение змеи перед броском. Комната завертелась перед глазами, она отступила назад, вскрикнула и бросилась бежать по коридору к лифту. Там должна быть дверь на лестницу – единственный путь к спасению. Ждать лифт нельзя. Спустившись на один пролет, она услышала, как наверху снова хлопнула дверь и раздалось внушавшее ледяной ужас дьявольское шипение.

На шестом этаже дверь на этаж была заперта. Она снова закричала и начала стучать. Кто-то должен услышать ее крики о помощи! Но шаги приближались, и она снова бросилась вниз. Она потеряла сумку, подвернула лодыжку, на бегу попробовала открыть еще одну дверь. Заперта. Что внизу? Гараж? Улица? Там найдут ее тело утром?

Отчаяние придало Кейт сил – толкнув дверь на следующей площадке, она оказалась в гараже. Успела спрятаться за каким-то фургоном, прежде чем хлопнула дверь. Но шагов не слышала, оглушенная шумом крови в ушах и стуком сердца. Летели секунды, минуты. Где он? Он бросил ее преследовать? И тут, как хлесткий звук выстрела в пустом гараже, под ногами преследователя заскрипел гравий.

Она пыталась определить направление, откуда шел звук.

Убирайся! – хотела крикнуть. Боже, сделай так чтобы он ушел…

Воцарилась тишина. Но она чувствовала, что он приближается. Осторожно выглянула из-за своего укрытия и застыла от ужаса. Он стоял с другой стороны фургона.

Кейт вскочила и бросилась, как смертельно напуганный кролик, туда, где горела красная надпись «Выход». Ноги затекли и с трудом подчинялись. Она неслась вниз по спирали съезда, казавшейся бесконечной, дыхание со свистом вырывалось из рта, обжигая горло.

В отчаянном финальном броске обогнула последний поворот и слишком поздно заметила вспыхнувшие фары. Еще успела увидеть лица мужчины и женщины, их открытые рты. Она ударилась о капот, зажмурилась, спасаясь от вспышки света. Потом все исчезло, опустилась темнота.

Глава 4

– Сезон манго, – пояснил сержант Броуфи, чихнув в очередной раз в смятый носовой платок, – самый тяжелое время года для моей аллергии. – Он высморкался в платок и принюхался подозрительно, как будто проверяя, нет ли новых неприятных ощущений в носовых пазухах. Казалось, он совершенно не замечал обстановки вокруг – забрызганных кровью стен, криминальных экспертов, занятых своим делом. Когда на Броуфи накатывала волна аллергии, он вообще ничего не замечал, кроме своей аллергии.

Лейтенант Фрэнсис Поки Ай Чанг привык к аллергическому насморку младшего партнера. Иногда эта аллергия была полезна для дела, например, сейчас можно было безошибочно определить, в какой из комнат находится Броуфи.

А тот, закрывая нос платком, перешел в спальню мертвой женщины. Поки снова вернулся к своему блокноту и принялся за описание места преступления. За двадцать шесть лет работы в полиции и шестнадцати из них – в отделе убийств у него выработался собственный стиль расследования. Шесть страниц блокнота он посвятил схематичным рисункам всех комнат, четыре из них – только гостиной. Рисунки были выполнены не профессионально, но четко. Тело здесь. Перевернутая мебель там. Кругом кровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tess-gerritsen/smert-pod-nozhom-hirurga

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить